

**АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ
МАРКСИСТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
КРИТИКИ**

8/11/1975 *подпись*
БЕЛЬЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. А. РУССО

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МАРКСИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Материалы научного
межвузовского семинара

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШТИИНЦА“
КИШИНЕВ * 1975

Для Писемских

№ 2450

82

Н. А. Горбанев

Махачкала

ПЛЕХАНОВ О ТРАГЕДИИ ЛАССАЛЯ
„ФРАНЦ ФОН ЗИКИНГЕН“

Исторической драме Ф.Лассалья, написанной в 1858-1859 годах на материале событий, разразившихся в феодальной Германии в преддверии Великой крестьянской войны (восстание прирейнских рыцарей во главе с Францем фон Зикингеном и Ульрихом фон Гуттенном), "повезло" в марксистской литературе. По ее поводу состоялась (в марте-мае 1859 года) известная переписка К.Маркса и Ф.Энгельса с Ф.Лассалем, насыщенная важнейшей философской, эстетической и политической проблематикой¹. Значительное место отвел анализу лассалевской драмы Ф.Меринг в своей "Истории германской социал-демократии" (1897-1898)². С трагедией "Франц фон Зикинген" связано и одно из первых литературно-эстетических высказываний Г.В.Плеханова, до сих пор не обращавшее на себя должного внимания наших исследователей.

Краткий отзыв Г.В.Плеханова о драме содержится в брошюре "Фердинанд Лассаль. Его жизнь и деятельность" (ч.1), вышедшей в 1887 году в Вене в издании "Библиотека современного социализма"³. Отзыв этот интересен оценкой самой драмы, а также теми выводами, которые сделал критик-марксист из предисловия автора к ней.

¹ См.: К.Маркс и Ф.Энгельс об искусстве, т.1. М., 1967, с.10-44. См. также об этой переписке: Г.Лукач. Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу "Зикингена". - В кн.: Литературное наследство, т.3. М., 1932; Г.Фридендер. К.Маркс и Ф.Энгельс и вопросы литературы. М., 1963; А.Н.Иезуитов. Вопросы реализма в эстетике Маркса и Энгельса. М.-Л., 1963.

² Ф.Меринг. История германской социал-демократии, т.2. М., 1923, с.238-246.

³ Об истории создания и публикации этой работы см.: Литературное наследие Г.В.Плеханова, сб.1.М., 1934, с.13-15.

Плеханов с пониманием отнесся к мотивам, побудившим Лассалья взяться за перо драматурга: "Рожденный агитатором, он не мог надолго запереться в своем ученом кабинете, и, не имея возможности действовать на народ с политической трибуны, он решил обратиться к нему со сцены"⁴. В то же время литературные достоинства драмы и ее художественный метод Плеханов оценивал весьма критически.

Приводя слова Лассалья из письма к Ф.Фрейлиграту о том, что это драма "в гораздо большей степени представляет собой продукт революционного стремления к действию, чем поэтического дарования", критик замечает: "Так как одно не может заменить другого, то не удивительно, что его произведение страдало отсутствием художественных достоинств" (т.4, с.39). Что касается субъективно-романтического метода Лассалья, то Плеханов видит в нем и недостаток произведения, и (ввиду отсутствия значительного объективного содержания) едва ли не весь его интерес.

"Драма читается с величайшим интересом, потому что в ней мы часто встречаемся с самим автором, — писал Плеханов. — При всем желании предоставить слово самим действующим лицам, он нередко забирается в суфлерскую будку и подсказывает им оттуда свои собственные мысли и стремления; нередко также он совсем теряет самообладание, выскакивает на сцену, разражается красноречивыми тирадами и высказывает взгляды, которые мы находим потом в его агитационных или полемических сочинениях. Брандес совершенно справедливо замечает, что "Франц фон Зикинген" представляет собой "богатейший рудник" для изучения психологии Лассалья" (т.4, с.39-40)⁵.

Высказываясь по существу объективного содержания драмы, Плеханов усматривает основу трагической коллизии, перед лицом которой оказались лассалевские и исторические Франц фон Зикинген и Ульрих фон Гуттен, в несоответствии между целями героев и средствами их достижения. Причем в отличие от автора, ярого гегельянца, трактовавшего эту идею в высшей степени абстрактно, как присущую якобы всякой революции, Плеханов акцентирует внимание на конкретно-историческом содержании коллизии.

⁴ Г.В.Плеханов. Соч., т.IV. М., 1923, с.39. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

⁵ Имеется в виду работа Г.Брандеса "Фердинанд Лассаль", изданная на немецком языке в 1877 году.

"Лассаль подсказывает своим героям очень широкие освободительные планы, — пишет критик. — И нельзя сказать, чтобы, по крайней мере по отношению к Гуттену, он отступил от исторической истины. Но средством исполнения этих планов в драме, как и в истории, служит заранее осужденное на неудачу движение мелкого немецкого дворянства против крупных феодалов. Несответствие между средством и целью скоро дает себя чувствовать" (т.4, с.40).

В финале драмы, когда герои сознают свою ошибку и решают опереться на мощное и широкое движение крестьян с целью исполнения своих планов, но когда "уже поздно", трагическая ситуация достигает наивысшего накала. "Смертельно раненый в напрасной попытке пробиться сквозь неприятельские ряды, Франц умирает, а его друг отправляется в изгнание, завещая свою месть "будущим столетиям" (т.4, с.40-41).

Трагедия Ф.Лассалья, поставленные в ней проблемы были для Плеханова предметом не только историко-литературного, но и живого современного интереса: вопрос о целях и средствах революционного действия имел самое актуальное значение⁶. Живым и драматическим воплощением коллизии между целью и средством была политическая биография самого Ф.Лассалья, который "не всегда умел или, лучше сказать, не всегда имел достаточно терпения, чтобы установить надлежащее соответствие между своими целями и своими средствами" (т.4, с.41), и "иногда готов был идти рядом с прусским правительством, соглашаясь несогласное, реакционную монархию с революционной демократией" (т.4, с.44).

В борьбе с учением Л.Толстого о непротиплении злу насильем Г.В.Плеханов и в 80-90-е, и в 900-е годы не раз ссылаясь на монолог Ульриха фон Гуттена о мече. В брошюре "Фердинанд Лассаль" он писал: "В сущности, главным героем драмы является знаменитый гуманист Ульрих фон Гуттен, "лучший человек Германии", с огромным талантом и обширным образованием, соединяющий

⁶ Касаясь в 1902 году трактата Ф.Лассалья о трагической идее "Зикингена", С.Франк писал: "Он совершенно неизвестен русской публике и посвящен чрезвычайно интересному и много дебатированному в настоящее время вопросу о соотношении между "целью" и "средствами" общественных движений" ("Вопросы философии и психологии", 1902, кн.5, ноябрь-декабрь, с.968). Письма Ф.Лассалья к К.Марксу и Ф.Энгельсу, а также рукопись о трагической идее появились на русском языке в издании: Письма Фердинанда Лассалья к К.Марксу и Ф.Энгельсу. Примечания Ф.Меринга. СПб., 1905.

рыцарскую отвагу и стремление связать "науку с жизнью". Он решительный сторонник революционного способа действия, и когда капеллан Зикингена, Экалампадиус, развивает перед ним теорию, известную у нас под именем теории "непротивления злу насилдием", он отвечает красноречивой апологией "меча" (т.4, с.40).

Приводим эту апологию в прозаическом переводе Плеханова: "Напрасно вы так плохо думаете о мече! Меч, обнаженный в защиту свободы, есть именно то воплощенное слово, тот сошедший на землю бог, о котором вы говорите в своих проповедях. Мечом распространялось христианство, мечом крестил Германию Карл, поныне называемый нами Великим. Мечом низвергнуто язычество, мечом освобожден гроб Спасителя! Мечом изгнан из Рима Тарквиний, мечом удален из Эллады Коеркс, спасены наука и искусство. Мечом сражались Давид, Самсон и Гедеон. Мечом было совершенно все великое в истории, и, в конце концов, ему же будет она обязана всеми великими событиями, которые когда-либо в ней совершатся!"⁷

"Российский пролетариат согласен, конечно, с Ульрихом фон Гуттенем, а не с капелланом (попом) Экалампадиусом" (т.24, с.23Д), заключал Плеханов в статье "Карл Маркс и Лев Толстой" (1911).

Не меньший интерес, чем сама драма, вызвало у критика теоретическое предисловие к ней. Здесь автор "Зикингена" развивал свой взгляд на драму вообще. Плеханов оценил его как "очень интересный" (т.4, с.41) и солидаризировался как с критической, так и с позитивной частью лассалевских суждений.

Так, он согласился с критикой Лассалья в адрес исторической драмы Шиллера, в которой душой драматического действия являются индивидуальные интересы, личное честолюбие, фамильные и династические цели. "Даже в лучшем произведении Шиллера, "Телле", которое более всего соответствует понятию исторической драмы, — говорил Лассаль, — замечен тот же недостаток. Освободивший страну поступок вызван не стремлением грюнлианских за-

⁷ Ср.: Ф.Лассаль. Франц фон Зикинген. Историческая трагедия. Перевод А.Криль и С.Криль. СПб., 1907, с.81. "Очень хороши сентенции Гуттена о мече", — писал по поводу этого места драмы К.Маркс (К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.29, с.485). В упомянутом со. "К.Маркс и Ф.Энгельс об искусстве" (т.1, с.21) допущена опечатка: вместо "о мече" напечатано "о мечте". "Пламенный гимн мечу, поднятому в защиту свободы", отметил и Ф.Меринг (Указ. соч., с.244).

говорщиков к национальному освобождению, а законной самооборонной герой, священнейшие семейные чувства которого подверглись поруганию"⁸. В более поздней статье "К психологии рабочего движения" (1907) Плеханов прямо указывает, что "шиллеровский Телле-индивидуалист по своей природе" и что "на личный мотив его подвига обращал внимание еще Лассаль" (т.24, с.261-262).

Свою положительную программу Лассаль излагал в следующем виде: "Я с давних пор считал высочайшей задачей исторической, а вместе с нею и всякой другой трагедии изображение великих культурно-исторических процессов различных времен и народов, в особенности же своего времени и своего народа. Она должна сделать своим содержанием, своей душой великие культурные мысли и борьбу подобных поворотных эпох. В такой драме речь шла бы уже не об отдельных лицах, являющихся лишь носителями и воплощением этих глубочайших, враждебных между собой противоположностей общественного духа, но именно о важнейших судьбах нации, — судьбах, сделавшихся вопросом жизни для действующих лиц драмы, которые борются за них со всей разрушительной страстью, порождаемой великими историческими целями... Перед величием подобных всемирно-исторических целей и порождаемых ими страстей бледнеет всякое возможное содержание трагедии индивидуальной судьбы"⁹.

Мысли Лассалья о характере содержания новой драмы послужили Плеханову отправным пунктом при решении ряда важных проблем, стоявших перед русской эстетикой и русской литературой на исходе XIX века. При этом критик-марксист придал им более широкий характер. "То, что Лассаль говорит о трагедии, — писал он, — можно сказать о беллетристике вообще и о нашей беллетристике в особенности" (т.10, с.61). И — как это было с характеристикой трагической коллизии "Зикингена" — сделал своеобразный перевод положений Лассалья с гегельянского на язык марксистской критики. Плеханов говорит не о "культурно-исторических процессах" и "противоположностях общественного духа" вообще, а о главном социально-историческом конфликте современности, о борьбе труда и

⁸ Ср.: Ф.Лассаль. Франц фон Зикинген, с.УП. Перевод Т.В.Плеханова более точен и выразителен, чем перевод предисловия в этом издании, принадлежащий Т.Богданович.

⁹ Ср.: Ф.Лассаль. Франц фон Зикинген, с.УП-УШ.

капитала, рабочего класса и буржуазии. По отношению к этой коллизии рассматриваются им судьбы литературы, определяется ее общественное и художественное значение.

Именно под этим углом зрения смотрит критик-марксист на современную русскую литературу, объясняя ее неудачи в настоящем и намечая программу развития в будущем. "Наши критики, — пишет он, — не раз задавались вопросом об упадке русской беллетристики. Чаще всего они объясняли его отсутствием свободы печати. Но нет ли еще других и более глубоких причин? Не падает ли наша беллетристика потому, что гг. беллетристы слишком далеки от понимания "великих противоположностей" современной русской жизни? Когда эти противоположности достигают известной степени интенсивности, в борьбу их вмешиваются все живые силы народа, а все остающееся в стороне — мельчает и падает" (т. 4, с. 42).

В статье "Гл. И. Успенский" (1888), программной для первого периода критической деятельности Г. В. Плеханова, будущее литературы связывается им с мерой понимания писателями содержания и "смысла нашей поворотной эпохи". "В стране уже начинается историческое движение, способное вдохновить самого великого художника" (т. 10, с. 60), создаются объективные предпосылки для создания художественных произведений такого типа и масштаба, о каких мечтал Ф. Лассаль. К лассалевскому предисловию восходит в этой статье и замечательная мысль о том, что "торжеством художественного творчества является изображение личностей, принимающих участие в великом прогрессивном движении человечества, служащих носительницами великих мировых идей" (т. 10, с. 35). У Плеханова речь идет о личности революционного пролетариата.

Таковы его мысли и суждения, вызванные трагедией Ф. Лассаля "Франц фон Зикинген" и вносящие дополнительные штрихи в историю марксистской оценки этого по-своему замечательного произведения.

Если сопоставить замечания Г. В. Плеханова со взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса на трагедию (разумеется, с поправкой на "жанр" откликов и время их появления), то можно отметить как моменты сходства, так и существенные различия. При этом следует иметь в виду, что письма К. Маркса и Ф. Энгельса по поводу "Зикингена" Плеханову не были известны; впервые они были изданы на немецком языке в 1922 году, а в нашей стране появились в 1932 году в третьем томе "Литературного наследия".

В некоторых пунктах мысль молодого русского марксиста близка к соответствующим высказываниям К. Маркса и Ф. Энгельса. Как уже говорилось, это касается прежде всего положительной оценки лассалевского решения проблемы революционного (в широком смысле слова) насилия. К. Маркс и Г. В. Плеханов отметили как одно из лучших и сильных мест трагедии монолог Ульриха фон Гуттена о мече, обнаженном в защиту свободы.

С сочувствием отнеслись Г. В. Плеханов и Ф. Энгельс к попыткам Ф. Лассаля создать новую драму, которая поднялась бы от низин "плохой партикулярности" к высотам исторической жизни и поставила в центр внимания героев, движимых не индивидуальными и индивидуалистическими, а широкими общенациональными, историческими мотивами и целями. В некоторых отношениях эта попытка ему удалась. "В Вашем "Зикингене", — писал Ф. Энгельс Ф. Лассалю, — взята совершенно правильная установка: главные действующие лица являются действительно представителями определенных классов и направлений, а стало быть и определенных идей своего времени, и черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных прихотях, а в том историческом потоке, который их несет"¹⁰.

Но, создавая новую драму, автор "Зикингена" остановился на полдороге. И основоположники марксизма в своих письмах, и Плеханов в очерке жизни и деятельности Лассаля констатировали — в разных терминах и выражениях — один и тот же недостаток трагедии, а именно: отсутствие в ней подлинно реалистической объективности, полнокровности и широты в изображении исторических событий и деятелей. Они критиковали Лассаля за то, что он писал свои характеры по-шиллеровски, "превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени", забывая за идеалами реалистическое¹¹. На характерный для метода "Зикингена" субъективизм, романтический по своей природе, указывал и Плеханов.

Однако отсюда же можно начать и отсчет расхождений между К. Марксом и Ф. Энгельсом и их "русским учеником" в понимании и оценке лассалевской трагедии. Когда Маркс и Энгельс говорили о недостаточном реализме трагедии, они имели в виду не только то, что Лассаль, нарушая историзм, награждал героев прошлого своими собственными мыслями и стремлениями. Дело было гораздо глубже и

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. I, с. 23.

¹¹ Там же, с. 20, 24-25.

касалось целого комплекса взаимосвязанных проблем, включая вопросы художественного метода, идейно-исторического содержания, трагического в действительности и в искусстве, подлинной и мнимой актуальности произведения.

Ф. Лассаль в недостаточной степени "шекспиризировал" свое произведение (К. Маркс), его трагедия лишена "шекспировской чистоты и богатства действия" (Ф. Энгельс) — этот, казалось бы, чисто художественный недочет объясняется ими тем, что автор пренебрег активным революционным — крестьянским и плебейским — фоном, а это, в свою очередь, вытекало из ложной идейной концепции Лассаля, поставившего "лютеровско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской"¹². Привлечение крестьянского и плебейского фона, помимо всего прочего, позволило бы автору "в гораздо большей степени высказывать устами своих героев как раз наиболее современные идеи в их самой наивной форме"¹³ и отказаться от роли суфлера и резонера.

Все эти вопросы остались вне поля зрения Плеханова, хотя их обсуждение могло придать его высказываниям о трагедии большую политическую злободневность. Пример замечательной оценки и использования того потенциала актуальности, который содержали уроки "Зикингена" и споры вокруг него, дал позднее В. И. Ленин в статье "Принципиальные вопросы избирательной кампании" (1911). Касаясь здесь марксовской оценки трагедии (оценки, ставшей к тому времени известной по отдельным цитатам и пересказу в пространным ответном письме Ф. Лассаля), В. И. Ленин указывал: "По поводу трагедии Лассаля "Зикинген" Маркс писал, что коллизия, проведенная в драме, "не только трагична, но она есть именно та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848 и 1849 годов". И Маркс, уже намечая в общих чертах всю линию будущих разногласий лассальянцев и эйзенахцев, упрекал Лассаля, что он впадает в ошибку "тем, что ставит лютеровско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской". ...Ставить "лютеровско-рыцарскую" (либерально-помещичью в переводе на русский язык начала XX века) оппозицию выше "плебейско-мюнцеровской" (пролетарско-крестьянской,

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. I, с. 20.

¹³ Там же.

в таком же переводе) и Маркс и Энгельс считали явной ошибкой, считали абсолютно недопустимым для социал-демократа!"¹⁴

Г. В. Плеханов, используя произведение Ф. Лассаля для обсуждения некоторых актуальных в конце XIX века вопросов общественного и литературного порядка (проблема революционного насилия, вопрос о будущем литературы), к истолкованию трагической коллизии "Зикингена" подошел несколько отвлеченно. Не выходя за рамки текста драмы, он увидел ее коллизия в несоответствии между целями героев и средствами их достижения (что было все же ближе к исторической истине, чем лассалевское понимание конфликта произведения как противоречия между "воодушевлением" и энергией революции, с одной стороны, и дипломатией, "реальной политикой" ее вождей — с другой), но не пошел дальше этого. Он не сопоставил литературного Зикингена с реальным, не соотнес вымышленный мир трагедии с исторической действительностью, не извлек политических уроков из сравнения различных революционных эпох, как это сделали К. Маркс и Ф. Энгельс. Понятно, что и результат — эстетический и политический — плехановского анализа "Зикингена" оказался более скромным, хотя и не лишенным историко-литературного интереса.

С. А. Шерлаимова

Москва

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Марксистская литературная критика Чехословакии формируется сравнительно поздно — в начале 20-х годов, в обстановке подъема революционного движения в стране и бурного развития новой революционной литературы, прежде всего поэзии.

Первые попытки подойти к литературе и искусству с точки зрения интересов рабочего класса и социалистической теории относятся в Чехии еще к 70–80-м годам прошлого века, к периоду

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 89–90.

И.К.Чобану, секретарь Союза писателей МССР (Кишинев). За творческое содружество литературоведения и литературной критики	3
--	---

Раздел первый

✓ И.С.Черноуцан (Москва). Традиции марксистской критики и современность	7
✓ В.А.Мосенцев (Харьков). К методологии изучения дооктябрьской марксистской критики	17
✓ О.В.Семеновский (Бельцы). Марксистская критика и вопросы русской литературы XX века	29
✓ М.М.Кораллов (Москва). Перечитывая хрестоматийное . . .	51
✓ У.А.Гуральник (Москва). Марксистская критика и русское академическое литературоведение конца XIX — начала XX века. (К постановке вопроса).	59
П.А.Бугаенко (Саратов). К вопросу об идейно-эстетических позициях Луначарского в предоктябрьские годы .	69
И.З.Баскевич (Курск). Непрерывная традиция. (О роли Луначарского в разработке теории творческого метода пролетарской социалистической литературы)	81
Э.П.Сафронова (Вильнюс). О методологических принципах литературной критики Воровского	92
В.А.Хорев (Москва). Письма Воровского Эттингеру . . .	113

Раздел второй

✓ В.А.Максимова (Москва). Ленинская "Искра" и литературная критика	123
--	-----

✓ Л. А. Гозун (Кишинев). Против фальсификации ленинской концепции наследия Белинского	133
Л. С. Радек (Кишинев). Достоевский в дооктябрьской марксистской критике	137
Н. П. Машовец (Саратов). Луначарский о Горьком. (Дооктябрьский период)	147
В. Н. Шербаков (Москва). Луначарский и тема пролетарского героя в литературе	156
А. Ф. Ермаков (Москва). Луначарский и создание Пролеткульта	164
Н. С. Шаранков (Рязань). Луначарский—критик и жанр мелодрамы	174
В. И. Воробченко (Бельцы). Борьба Воровского против декаданса в искусстве	181
В. А. Ружина (Бельцы). Ленин о футуризме	194
М. А. Левченко (Одесса). Марксистская критика и футуризм	200

Раздел третий

<u>Ш. Я. Вydro</u> (Киев). Луначарский и украинская литература.	210
К. Я. Краулин (Рига). Андрей Упит и вопросы дооктябрьской марксистской литературной критики	219
Б. З. Преснение (Шауляй, Литовская ССР). Принцип партийности в ранней литовской марксистской литературной критике	229
С. Г. Пынзару (Кишинев). Бессарабская печать о Горьком (1901—1907)	237

Раздел четвертый

✓ Н. А. Горбанев (Махачкала). Плеханов о трагедии Лассала "Франц фон Зикинген"	247
С. А. Шерлаимова (Москва). Традиции русской марксистской критики и формирование марксистской литературно-критической мысли в Чехословакии	255
Б. Ф. Стахеев (Москва). Воровский и проблемы польского романтизма	262
Э. Ф. Морозова (Львов). Воровский о польском модернизме	271